

Александр Темной

Жизнь Розанны

18+

Александр Темной
Жизнь Розанны

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Темной А. В.

Жизнь Розанны / А. В. Темной — «ЛитРес: Самиздат», 2011

Иногда один день может перевернуть всю жизнь и заставить события развиваться по другому, непривычному сценарию. Розанна не знала, что обычное поручение матушки Волды будет для неё судьбоносным. Розанна в один день потеряла брата, бабушку. Она могла бы погибнуть от зубов страшного зверя, но её спас тот, с кем ей предстояло провести остаток своих дней. Знала ли она, что при столь странных, трагических обстоятельствах встретит свою любовь? Нет, он не был принцем, его вороной жеребец был запряжен в телегу, груженную дровами. Избранник Розанны одевался в одежды из шкур, а в руке его был топор. Но Розанна сделала свой выбор...

© Темной А. В., 2011

© ЛитРес: Самиздат, 2011

Александр Темной

От автора

Как-то раз я приехал на дачу к родителям, и ко мне подошёл бывший сослуживец отца, Михаил Романович. Мы долго с ним беседовали о жизни, обсуждали политическую и экономическую обстановку в стране, в общем, говорили обо всём и ни о чём, пока мой отец топил баню. В какой-то момент Михаил Романович спросил:

– А это правда, что ты – писатель?

Я тогда покраснел, засмутился. Писателем меня тогда было назвать трудно. В моём творческом багаже была только повесть «Круговорот смерти».

– Ну, да, – опустив глаза, ответил я.

Михаил Романович вдруг оживился, глаза его загорелись. Хлопнув меня по обгоревшей на солнце спине, он сказал:

– Тогда я расскажу тебе одну историю. Мне поведал её один немец, когда я служил в Германии. Интересная история. Спилберг и Тарантино просто отдыхают...

Ещё больше покраснев, я стал говорить ему, что не надо, мне это не к чему, потому, что я тяготею к мистике и ужасам...

– Тогда тебе моя история точно понравится! – Михаил Романович тряхнул головой и направился к своему дому.

Когда мы с ним говорили, я чувствовал слабый запах алкоголя, исходящий от Романыча, и я решил, что он шутит. Каково же было моё удивление, когда вечером он пришёл к нам в дом с бутылкой водки, банкой солёных огурцов.

Налив себе и мне «по пятьдесят» (отцу он не налил потому, что знает, что отец мой – ярый противник алкоголя), Михаил Романович сел в плетеное кресло на крыльце, прикрыл глаза и начал свой рассказ. Он говорил на одном дыхании, почти без остановок, громко и с чувством. У меня сложилось впечатление, что он уже рассказывал эту историю на публике, и делал он это неоднократно. Услышав, что Романыч что-то рассказывает, мои отец и мать тоже вышли на крыльцо, сели на скамейку и стали внимательно слушать.

Я тоже слушал и всё старательно записывал в блокнот, с трудом поспевая за отставным полковником. Скажу Вам честно, поначалу рассказ Михаила Романовича не произвел на меня должного впечатления. В этом рассказе я узнал сюжет одной старой детской сказки, рассказанной по-взрослому.

Два года спустя я случайно наткнулся на свой старый блокнот, перелистал его и нашел ту историю, которую читал нам Романыч. Когда я перечитал всё, что мне тогда удалось записать, я пришёл к выводу, что рассказ, в общем-то, неплохой. Получив одобрение и согласие Михаила Романовича, я всё же решился его опубликовать, слегка отредактировав, опустив все непечатные выражения и некоторые интимные подробности. Рассказ я решил назвать «Жизнь Розанны».

Жизнь Розанны

Розанне снился Алоис. Они лежали в стоге сена. Алоис покрывал её лицо и грудь поцелуями. Его губы были тёплыми и мягкими. Розанна беззаботно смеялась, глядя Алоиса по курчавым волосам. Им было хорошо, и Розанна была счастлива. Она смеялась, откинув голову, подставляя грудь поцелуям. По небу голубому небу плыли островки белых облаков, ветер ласкал её плечи, парусом надувал юбку.

– Розанна!

Облака стали быстро менять форму, превращаясь в лицо... матушки Волды.

– Алоис, иди домой! – говорит Розанна, отталкивая своего возлюбленного.

– Что? – Алоис непонимающе моргает глазами. – Почему?

– Матушка нас видит, будет ругаться...

– Какая матушка, о чем ты? Здесь никого нет, только ты и я...

Облако, превратившееся в лицо матушки Волды, нахмурилось, опустилось ниже.

– Розанна! – Облако нахмурило брови. – Вставай!

– Иди же! – кричит Розанна Алоису, но он не уходит.

– Розанна!

Грянул гром, полил ледяной дождь. Розанна попыталась закрыть лицо руками, но холодные капли дождя попадали в рот, в нос. Розанна чихнула и... открыла глаза. Она увидела рассерженное лицо матушки, и это был не сон. В одной руке мать держала ведро с водой, в другой – большой ковш. Когда ковш соприкоснулся со стенкой ведра, раздался металлический звон.

«Вот откуда дождь и гром!» – догадалась Розанна.

– Я сплю...

– Вставай! – Волда сорвала с Розанны одеяло.

– Я спать хочу! – Розанна натянула до подбородка одеяло и закрыла глаза. Объятия сна были крепкими и не хотели её отпускать.

– Ну-ка вставай, дрянная девчонка! – Волда сорвала с дочери одеяло, кинув его на каменный пол, отвесила ей оплеуху, от которой Розанна окончательно проснулась.

Вот она, явь – дом матушки Волды, в который всегда не хочется возвращаться, из которого всегда хочется убежать куда угодно, хоть на край света, чтобы не видеть больше эту сварливую женщину, не слышать её каждодневных упрёков.

Рядом сопят три младших брата на трехъярусной кровати, пахнет пирогом с рыбой и с грибами. Бруно и Герберт вчера ходили на рыбалку. Значит, рыбалка была удачной. Матушка с Георгом ходили за грибами...

– Я спать хочу... очень хочу, – тихим голосом сказала Розанна. – Можно ещё поспать?

– Тебе надо было меньше шлаться по ночам со всякими там... Позорит меня! Тьфу!

– Но я живу шестнадцатое лето! Я уже взрослая. Что хочу – то и делаю, с кем хочу – с тем и гуляю...

Волда наотмашь ударила дочь по лицу.

– Молчи, дерьмо овечье!

– Зачем вы так, матушка? – спросила Розанна, глядя, как капли крови капаят из носа на белую ночную рубашку.

– Курица перед яйцом в своих поступках не отчитывается. Умойся, позавтракай, подои корову и наполни бочку водой. Потом пойдёшь к бабушке, отнесешь ей пирог...

Стоя перед серебряным зеркалом, которое её отец привёз из завоевательного похода, из Ардуанских земель, Розанна прикладывала смоченную водой тряпицу к носу, искоса поглядывая на мать. Нет, она не сердилась на неё. Розанна прекрасно понимала, что после смерти отца матери тяжело одной вести хозяйство, воспитывать детей, но всё же некоторые её поступки она не понимала и простить не могла, как бы сильно она не любила свою матушку. Выйти замуж, уйти из этого ненавистного дома, в котором всё кажется плохим, а стены и потолок просто давят. И чем матушке Волде не нравится Алоис? Да, он немного туповат, на лице много прыщей, но он прекрасно сложен, он умный и добрый. А главное – он любит Розанну и на всё готов ради неё. Ну и что с того, что родители Алоиса – простые крестьяне? Они, конечно, небогатые, но всё равно крестьяне. Матушке, видите ли, принца подавай... Но чтобы выйти замуж за принца, нужно самой быть принцессой, а не дочерью вдовы командира сотни. С такими запросами матушки Розанна может просидеть всю жизнь в девах и умереть, так и не познав

мужчины. Ну, если не получится выйти замуж за Алоиса, то она будет с кем угодно, лишь бы не оставаться тут!

– А почему бы и нет? – Розанна отложила в сторону тряпку. – Я молода, красива...

– Ох, видел бы тебя твой отец... – Волда укоризненно покачала головой. – Карл лупил бы тебя нещадно!

– И как вы меня замуж потом выдадете? Жених – как купец. На товар сначала смотрит... Кому нужен подпорченный товар?

– Ах, ты... – Волда запустила в дочь кочергой, но не попала. Кочерга ударилась в каменную стену и со звоном упала на пол. Взвизгнув, Розанна выскочила из дома.

Розанна не торопилась выполнять поручение матери. Она всё делала неспеша, чтобы дать Волде немного остыть. Розанна знала, что её матушка скоро на руку, а рука у неё очень тяжелая. Её даже боялся Бруно, которого скоро возьмут на службу к королю. Сначала – простым стражником, а потом... Может, командиром когда-нибудь станет, как отец.

Братья уже проснулись. Они ели пироги, запивая их элем.

– Вот... – Волда протянула Розанне увесистую корзину, пахнущую пирогами, накрытую белым полотенцем.

– И...

– Можешь идти! – Волда вынула из печи очередной пирог. Судя по запаху, он был с яблочной начинкой. – И иди по тропе и никуда не сворачивай. А то заблудишься, ищи тебя потом...

– Матушка!

– Что ещё? – с раздражением в голосе спросила Волда. В её взгляде мелькнули искорки злости.

– Ладвиг и Орэль рассказывали мне, что видели большого волка...

– Они убили его? – Злость во взгляде Волды сменилась настороженностью.

– Нет, ранили... Но даже раненного волка они догнать не смогли. Говорят, что он очень большой, чуть не убил их...

Необходимо отметить, что в лесах Латингрии в то время ещё обитали гигантские медведи и волки. Медведи обитали на юге, а волки – на севере. Взрослые, половозрелые волки размерами превосходили скаковую лошадь. Они охотились, в основном, на пятнистых оленей. Волк мог в одиночку убить оленя, вцепившись ему в горло, или сломав шею. Большие медведи охотились, как правило, на лосей, не брезговали падалью. Излюбленным лакомством гигантских медведей были плоды менармы. Человек не мог залезть на длинный, покрытый смолой ствол менармы, но медведям не составляло особого труда нагнуть или повалить дерево и насытиться большими, похожими на арбузы, сочными плодами. У плодов менармы был вкус мёда.

Очень редко, но случалось, что пути волков и медведей пересекались. Тогда лес оглашался оглушительными рёвами и рычанием. Даже птицы в это время замолкали, глядя на битву титанов. Если волк с медведем встречались один на один, победителем из схватки всегда выходил медведь, но когда медведь сталкивался со стаей волков, от него оставались только клочки шерсти и обглоданные кости.

Десятилетняя война с октами, последующие три неурожайных года привели к тому, что большая часть лесов Латингрии была выжжена, большая часть оленей и лосей была истреблена людьми. Те олени и лоси, которым удалось выжить, ушли в восточные земли. Лишившись пищи и своей привычной среды обитания, гигантские волки и медведи стали нападать на людей. Те тоже в долгу не остались и объявили войну лесным исполинам. Победителей в той войне не было. Все волки и медведи были перебиты, а в Латингрии началась эпидемия неизвестной болезни, которую местные жители прозвали «Улыбка смерти» – люди умирали в страшных муках, перед смертью покрывались чёрными пятнами. Лица всех умерших были переко-

шены от невыносимой боли. Именно поэтому болезнь получила такое название. Придворный колдун Арн говорил королю, Дитфриду Справедливому, о том, что все напасти из-за того, что боги разгневались на жителей Латингрии. Нужно принести в жертву верховному божеству Анелле пять девственниц, и тогда всё будет хорошо. Но к тому времени во всем королевстве не нашлось даже одной живой девственницы. Арн умер через два дня, Дитфрид Справедливый – через пять дней после смерти колдуна. И никто не мог им помочь, даже кубок с водой было некому принести. Те, кому удалось выжить, ушли в другие земли, а некогда могущественное королевство – Латингрия – было разграблено и сожжено октами. Но это было позже...

– Волк... – задумчиво произнесла Волда. – Раненый волк... Именно такие чаще всего нападают на людей. И к моей матери мы давно не ходили. Может, умерла уже? Бруно!

– Что, матушка? – Бруно обернулся. Яблочная начинка из пирога капнула ему на рубашку.

– Сходи с Розанной к бабушке, – Матушка посмотрела на Розанну. – Только оденьтесь теплее. У меня опять болит шея. Что-то мне подсказывает, что будет дождь и похолодает.

– Но мы же ненадолго, – Розанна расправила складки юбки, в недоумении посмотрела на мать. – Я не думаю, что мы замерзнем.

– Она думает! – Волда всплеснула руками. – Когда это курицы думать научились? А кто бабушке воду из колодца принесет? Кто хворост соберет? Кто приберется в доме?

– Ой! – вырвалось у Розанны. Если помогать бабушке по хозяйству, можно потерять день, да и то в лучшем случае. Обычно на помощь бабушке Аделонде уходило как минимум два дня. А Розанне так хотелось вечером увидеть Алоиса, погулять с ним где-нибудь за пределами Верены, чтобы никто их не видел и не распускал слухи. Видно, про Алоиса сегодня придётся забыть.

– Вот тебе и «ой»! – Волда улыбнулась, видя, как изменилась в лице Розанна. – Надо хоть иногда что-то делать полезное. Не всё же тебе со всякими лоботрясами по деревне шляться...

Бруно захохотал. Розанна тут же отвесила ему подзатыльник, но он продолжал смеяться. Герберт с Георгом заливались смехом, держась за животы.

– Смотрите не лопните! – крикнула им Розанна.

– Я возьму короткий отцовский меч! – просмеявшись, сказа Бруно.

– Возьми, – согласилась Волда. – Только не потеряй его, ладно?

– Ладно...

– И делай всё, о чём бабушка попросит, хорошо?

– Хорошо, – ответил Бруно. По его лицу было видно, что он тоже не горит желанием помогать по хозяйству бабушке.

– И вот ещё... – Волда протянула Розанне небольшой мешочек. Розанна сначала обрадовалась, подумав, что мать даёт ей деньги, но в мешочке лежали какие-то семена. Улыбка сползла с лица Розанны.

– Что это, матушка?

– Семена лахойи. Запах лахойи отпугивает волков...

– Но гербина отпугивает и волков и медведей...

– Чего нет – того нет, – поджав губы, ответила Волда. – Бери, что дают. Медведей в той части леса отродясь не было. Их и сейчас там нет. Они в северных лесах...

– Спасибо, матушка, – Розанна поклонилась, привязала мешочек к поясу, потом надела на голову белый чепец, накинула серую накидку и вышла из дома. Бруно поспешил за ней, прижимая левой рукой меч к бедру.

Домик бабушки располагался в лесу. Идти нужно было долго. Если Розанна выходила из дома рано утром, то к дому бабушки она подходила, когда солнце было в зените. Раньше, ещё до рождения матушки Волды, там был дом егеря Дачса – здорового мужчины, внешне

очень похожего на барсука. Дачс женился, он не стал перебираться поближе к людям, а перевез жену к себе, в лес. Атала, жена Дачса, родила ему десять сыновей, каждый из которых, женившись, строил себе дом. Во время великого голода все родственники и знакомые егеря переехали в лес, где строили себе дома. И жилось им лучше, чем городским или деревенским жителям. В лесу всегда много дичи, в пятистах шагах от деревни течет река, в которой водятся гигантские сомы... Так постепенно появилась деревня, окруженная лесом, которую назвали Дачсланд. Деревня процветала, ширилась, о ней с уважением говорили во всем королевстве. Так продолжалось, пока «Улыбка смерти» не добралась до Дачсланда. Умерли все жители, в том числе дедушка Розанны, Йохан. Выжила только бабушка Аделонда, да и то потому, что хорошо разбиралась в травах. Как она рассказывала, она перепробовала все травы, но ни одна не помогала против ужасной болезни. Когда умер Йохан, она решила попробовать отвар из петушиного гребня – травы, которая считалась ядовитой. И этот отвар помог. Все умерли, их дома разрушились, от старости, земельные участки заросли деревьями и кустами, поэтому и создавалось впечатление, что дом Аделонды стоит посередине леса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.